

© 2009 г.

Г.М. САДОВАЯ

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ КОЗЕНКО (1927–2007)

Борис Дмитриевич Козенко родился в семье военнослужащего. В 1930 г. семья Козенко переехала в Саратов по назначению отца, уроженца г. Херсона, и поселилась в военном городке танкового училища. Отец Бориса увлекался историей, в доме были книги по военной истории, разного рода энциклопедии и выписывалось много газет. Мальчик, что естественно для 30-х годов, предпочитал военные игры всем остальным, много и с удовольствием читал. Мать отличалась хорошим слухом, посещала кружки местной самодеятельности и пела в хоре. По совету мужа она окончила исторический факультет Саратовского педагогического института и преподавала историю в школе.

В 1940 г. отец уехал на военные сборы на запад страны, и было очевидно, что не сегодня – завтра там начнется война. В 1941 г. в самом начале войны со своим полком он попал в окружение, а затем в плен (Норвегия). По возвращении из плена был сослан в Сибирь и только в 1951 г. вернулся в семью, страшно искалеченный душевно и физически. Во время войны мать и сын были выселены из приличной квартиры и проживали в комнате при школе, где работала мать. Но, как потом оказалось, это было не самое страшное.

В Саратовском университете, который с отличием окончил Б.Д. Козенко, он слыл не только одним из лучших студентов, но и активным общественником: был редактором факультетской газеты, членом Научного студенческого общества. Он отличался остроумием. Но за словесной бравадой скрывался робкий, застенчивый юноша. Б.Д. Козенко специализировался на кафедре новой и новейшей истории по истории США. В аспирантуру его не приняли из-за неблагоприятных анкетных данных: отец был в плену, а блестящие способности студента не произвели впечатления в той ситуации. Проработав год на кафедре средних веков лаборантом (заведовал кафедрой известный медиевист С.М. Стам, не побоявшийся пристроить юношу), Козенко уехал работать преподавателем в Тюменский государственный педагогический институт, ставший в настоящее время солидным учебным заведением, а тогда пребывавшим в статусе обычного провинциального вуза.

В 50-е годы XX в. в нашей стране большое внимание уделялось патриотическому воспитанию студентов. Преподаватели должны были посещать соответствующие курсы по марксизму-ленинизму и обязательно читать лекции населению по линии общества “Знание”. Молодой преподаватель не только привлекал к себе внимание чтением интересных и не скучных лекций по истории средних веков, новой и новейшей истории, но и стал самым популярным лектором общества “Знание”, исколесив всю Тюменскую область, включая Заполярье, изведав сибирские морозы, жару, москитов. Здесь же он женился на дочери бывшего белочеха, став приемным отцом ее дочери, там же в Сибири родился сын, названный в честь деда Дмитрием.

Садовая Галина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Самарского государственного университета.

К тому времени благодаря другу А.И. Аврусу и изменившимся обстоятельствам (пришла хрущевская оттепель) семья переехала в Саратов, и Б.Д. Козенко был принят на работу в Саратовский университет на кафедру новой и новейшей истории. Однако отец Бориса Дмитриевича не смог пережить жизненных испытаний и в 1956 г. трагически погиб. Мать помогала растить детей, во всем поддерживая сына.

Лекции не давали Б.Д. Козенко полного удовлетворения, ему хотелось приобщиться к большой науке. Первая попытка поступления в аспирантуру Ленинградского университета оказалась неудачной, по философии получил двойку. Москва оказалась более благосклонной к провинциальному, не очень молодому, обремененному семьей соискателю. Сектор США в Институте истории АН СССР только набирал силу (нужно было создавать свою аспирантуру), и 35-летнему Б.Д. Козенко удалось убедить комиссию в том, что он сможет уложиться в срок с написанием диссертации и оправдать надежды рекомендовавших его старших товарищей. Таковыми выступили профессор Ленинградского педагогического института, американист В.К. Фураев и заведующий сектором истории США Б.Я. Михайлов. В Москве Б.Д. Козенко жил в общежитии, по возможности посещал театры, кино и любимую консерваторию, но больше всего времени отдавал библиотекам. Внимательно и охотно он прислушивался ко всем советам специалистов, общался с московскими аспирантами и учил английский язык. Всегда с большим теплом и искренне Б.Д. Козенко вспоминал годы обучения в Москве, и людей, с которыми довелось познакомиться и подружиться. Это были талантливые историки-американисты, хорошие товарищи: старшие научные сотрудники ИВИ РАН И.А. Белявская, Р.Ф. Иванов, В.Л. Мальков, В.В. Согрин. Особое внимание Б.Д. Козенко уделял Г.Н. Севостьянов – заведующий сектором США Института всеобщей истории АН СССР в 70–80-е годы XX в., многолетний главный редактор журнала “Новая и новейшая история” а также профессора кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета И.П. Дементьев, Н.В. Сивачев, Е.Ф. Язьков; профессора новой и новейшей истории Саратовского госуниверситета А.И. Аврус и И.Д. Парфенов.

Известные американисты и популярные преподаватели, просто товарищи – москвичи, например Б.А. Поляков с пониманием относились к трудностям работы в провинции. В то время не было Интернета, и ученых провинции спасал межбиблиотечный абонемент (МБА), он и сейчас действует, но только это очень дорогая услуга и не по карману рядовому преподавателю. Но и по этому каналу информации не все материалы можно было получить. Приходилось много времени проводить в Москве, а это было связано с проблемой жилья. Выручали друзья и родственники, например, двоюродный брат В.П. Кузнецов. Он жил в скромной “хрущевке” с семьей, но никогда не отказывал брату, если надо было переночевать неделю – две. В 70–80-е годы Б.Д. Козенко постоянно останавливался в Москве у своего бывшего студента П.П. Черкасова, ныне известного франковеда, автора многочисленных трудов по истории Франции и российско-французских отношений. В конце 60-х годов Черкасов, выпускник истфака СГУ, но москвич по рождению, вернулся из Саратова в столицу, где принимал в своем доме друзей из провинции. Еще в студенческие годы П.П. Черкасов и Б.Д. Козенко, несмотря на большую разницу в возрасте, стали близкими друзьями. Да и однокашники по аспирантуре – И.И. Янчук, В.А. Никитин, Н.В. Курков, Б.А. Поляков, дружеские отношения с которыми сохранились на всю жизнь, по возрасту были младше, но это не мешало им тесно общаться и помогать друг другу.

В срок Б.Д. Козенко защитить кандидатскую диссертацию не удалось. Он увлекся сбором фактического материала, его набралось так много, что получилась очень объемная диссертация. При обсуждении в секторе США работа была одобрена, но замечания касались не только превышения объема, но и необходимости усиления анализа и проблемности исследования. Тем временем в Саратове с нетерпением ждали возвращения преподавателя – американиста. В начале 60-х годов XX в. в отличие от сегодняшней ситуации на кафедре зарубежной истории было мало “остепененных” специалистов. Даже в учебном курсе лекций по новейшей истории лекторы пропуска-

ли историю США, приговаривая: “Вот придет Козенко и пусть читает свою любимую историю США”. Б.Д. Козенко действительно очень любил свой выбор – США. Еще в студенческие годы он раз и навсегда связал свою научную карьеру с американистикой и с периодом Первой мировой войны. Тему дипломной работы он выбрал сам, хотя как отличника его отговаривали: на этом пути карьеры не сделаешь. Была неписаная традиция: лучшие студенты должны были специализироваться по истории КПСС, затем по отечественной истории советского периода и, в крайнем случае, по истории зарубежных стран. Несмотря на большие трудности с источниками по теме: “Внешняя политика США в годы Первой мировой войны”, Б.Д. Козенко защитил дипломную работу на “отлично”.

Теперь надо было заканчивать с кандидатской диссертацией. В секторе США поставили условие: можно в качестве таковой защитить монографию, но, разумеется, опубликованную. Пришлось преодолевать трудности организационного характера: распространить 1000 экземпляров книги в провинциальном городе не простая задача. Помогло то обстоятельство, что жена работала директором книжного магазина “Пропагандист”, где продавались и весьма дефицитные подписные издания и бестселлеры. Чета Козенко имела связи со многими партийными и общественными организациями, а также просто с книголюбями. Издательство Саратовского университета согласилось опубликовать монографию при условии полного распространения тиража, что и было выполнено. Монография “Рабочее движение США в годы Первой мировой войны”¹ вышла в 1965 г. и была успешно защищена в Институте истории АН СССР. Сегодняшние читатели – ученые и даже студенты, вероятно, будут улыбаться при знакомстве с такой неактуальной теперь проблематикой. Конечно, автор обязан был показать бесконечное угнетение рабочего класса, раскрыть антагонистические противоречия между трудом и капиталом, революционизирование американского пролетариата и неизбежность наступления его прозрения для социалистической революции с помощью коммунистической партии. Никто не пропустил бы иной постановки проблемы. Авторы должны были изощряться, чтобы не войти в полное противоречие с ими же приводимыми фактами, чем и ценны были работы по зарубежной истории. Приходилось “прятать” в контексте исследования истинное положение вещей капиталистической действительности.

Приведенные в монографии Б.Д. Козенко факты (часто извлеченные из спецхрановской литературы, недоступной простому читателю), умело подобранные и обработанные, позволяли искушенным в науке людям делать выводы о реальном положении рабочего класса, его идеологической оснащенности. Одним из первых Б.Д. Козенко показал улучшение положения рабочего класса США не только ввиду роста его классовой сознательности и боевитости, но и ввиду объективных обстоятельств, сложившихся в годы Первой мировой войны. Исследователь, приводя многочисленные факты, утверждал, что война создала благоприятные условия для борьбы за улучшение условий труда и жизни. За годы войны выросла заработная плата неквалифицированных и негритянских рабочих, повысилась заработная плата рабочих во всех отраслях промышленности.

Автор показал не только колоссальный рост богатства США, фантастические прибыли предпринимателей (американские монополии заработали чистого дохода 27,3 млрд. долл.), но и рост благосостояния рабочего населения страны. Автор открыто писал о том, что за годы войны выросла реальная заработная плата рабочих, хотя и не у всех категорий. Впервые в советской литературе в исследовании Б.Д. Козенко были приведены данные о прожиточном минимуме, выраженном в бюджете необходимых расходов для “средней” семьи в 5 человек. Например, признанный лучшим среднемесячный бюджет “приличного существования” проф. Огбэрна в 1918 г. составил 1386 долл. По сравнению с 844,9 долл. в феврале 1915 г., из которых 615 долл. предназна-

¹ Козенко Б.Д. Рабочее движение США в годы Первой мировой войны. Саратов, 1965.

чалось на питание, 234 – на одежду, 180 – на квартплату, 62 – на топливо, освещение и т.д. Среднемесячный бюджет “минимальных удобств” в 1918 г. составлял около 1700 долл., тогда как до войны – 1000–1200 долл. В работе подчеркивалась личная роль президента В. Вильсона в решении социальных вопросов. Автор, отдавая дань принятым идеологическим установкам, клеймил Вильсона как апологета крупных бизнесменов и человека, ненавидящего рабочий класс. Однако тот же Вильсон, согласно Б.Д. Козенко, в отличие от предыдущих президентов, в частности республиканца У. Тафта, первым из президентов США осознал значение рабочего класса, “оценил возможности и перспективы его движения, и пошел ему на уступки”. В целом монография была положительно оценена научной общественностью, что дало автору импульс для продолжения научной работы.

Популярность и научный авторитет Б.Д. Козенко на историческом факультете СГУ сразу же выросли. Студенты с удовольствием шли в его спецсеминар, да и просто дружили с прекрасным лектором, эрудированным ученым, любящим общаться с молодежью. На протяжении нескольких десятилетий он пользовался неизменной популярностью среди студентов, которых покорял не только обширностью познаний и глубиной суждений, но также свободной формой общения с ними. Научный “зуд” не давал ему покоя, несмотря на большую учебную нагрузку, да и от партийно-общественной работы тоже нельзя было уклониться (Б.Д. Козенко был членом партийного бюро исторического факультета). Он по-прежнему читал много лекций по линии общества “Знание”, часто посещал симфонические концерты в Саратовской филармонии и театры. Однако самая большая страсть – наука – поглощала его все больше.

В 1967 г. вышла его небольшая книжка “Юджин Дебс – социалист”². Конечно, опубликовать две книги подряд в издательстве Саратовского университета было сложно. Помогли два обстоятельства. Первое – “легкое перо”: Б.Д. Козенко обладал природной способностью излагать сложные вещи доступным и ярким языком. Второе обстоятельство, позволившее опубликовать книгу – положительные рекомендации Б.В. Носкова, выпускника Московского госуниверситета, талантливого ученого, пользовавшегося авторитетом на кафедре новой и новейшей истории. К тому же его жена Регина Федоровна была знающим высококвалифицированным редактором, с которым считался главный редактор научного издательства Саратовского университета.

В монографии “Юджин Дебс – социалист” исследователь продолжил тему особенностей американского рабочего движения. Ю. Дебс в изображении Козенко предстал живым и очень добрым человеком. Он работал сначала в железнодорожных мастерских, а затем в профсоюзе железнодорожных кочегаров, где был редактором журнала “Локомотив файрменс мэгэзин”. Б.Д. Козенко подчеркивал аполитичность будущего лидера Социалистической партии Америки, который долгое время отрицал лидерство, вождизм, да и необходимость создания самостоятельной рабочей партии. Таких колеблющихся, пацифистски настроенных, социалистических героев прежняя советская историческая литература не знала. Ю. Дебс был первым и последним социалистом, который выставил свою кандидатуру в президенты страны в 1912 г. и получил 997 тыс. голосов, что было не так уж и мало. Для сравнения, кандидат Тафт получил 3,4 млн. голосов. Дебс доказал, что и в США есть люди, жаждавшие социальной справедливости не от Бога и не от сильных мира сего, а от выдвигенца простых рабочих граждан. В монографии показан человек, живший в Америке, но сразу же воспринявший идеи Октябрьской революции о мире и социальной справедливости. Вместе с тем Дебс не принимал безоговорочно коммунистические идеи, не ставил вопрос о разрыве с оппортунистами и шовинистами, как тогда называли всех несогласных с интернационалистами, и не стал создавать коммунистическую партию.

Б.Д. Козенко собрал богатейший фактический материал по рабочему и социалистическому движению США, но эта проблематика не исчерпывала его интересов. Он

² Козенко Б.Д. Юджин Дебс – социалист. Саратов, 1967.

любил литературу, обожал поэзию и, чтобы как-то реализоваться в этой области, пробился, правда, с трудом, в научный сборник филологов со статьей «О “социализме чувства” Эптона Синклера» (1970 г.). 1970 год – год столетия В.И. Ленина, и по традиции все гуманитарные науки должны были “отчитаться” соответствующими юбилейными публикациями. Подобного рода публикации посылались на рецензирование в Москву и проходили дополнительную цензуру в местных партийных органах. Герои юбилейных сборников должны были быть безукоризненными и преданными социализму людьми. Поэтому выбор Козенко пал на американского писателя Э. Синклера, так как он один из очень немногих американских писателей вывел на страницы своих романов и пьес пролетариев. Правда, Э. Синклер не был любимым писателем Б.Д. Козенко, в отличие от Э. Хемингуэя, К. Воннегута и др. В статье автор старался провести некоторые не совсем коммунистические идеи, например, о причинах бунтарских настроений не только у пролетариев, но и у интеллигентов. Ученый приводил слова биографа Синклера о причинах антикапиталистических настроений и мотивов, звучавших в его произведениях, на которые последний отвечал совсем аполитично: “психология бедного родственника”. Э. Синклер в описании Б.Д. Козенко бунтарь одиночка, ярый индивидуалист, никогда не понимавший сути учения К. Маркса и В.И. Ленина, за что автор статьи “по долгу службы” и критиковал его. Статья Козенко интересна тем, что автор пытался понять характер и нравы американских рабочих в интерпретации не американских марксистских историков, а писателя, причем – не марксиста. Синклер не предвзято освещал условия труда и жизни, поведение, настроение и психологию американских пролетариев, что умело использовал Б.Д. Козенко в своих лекциях. Тем не менее, оставаясь знатоком литературы, Козенко никогда больше в своих публикациях не касался сюжетов, связанных с критикой писателей и анализом их произведений, поняв неизбежную двусмысленность своей позиции, и уязвимость подобных публикаций в то идеологизированное время.

Написав еще несколько статей о Социалистической партии США, Б.Д. Козенко переключился на другую проблематику: теперь он увлекся проблемами американской демократии и личностью президента В. Вильсона.

Поворот в научных интересах совпал с коренным изменением в личной жизни ученого. В университете прошел ряд гнусных кампаний по разоблачению морального облика ученого (он развелся и женился на аспирантке, которая была гораздо моложе его). Дело закончилось для Б.Д. Козенко вынесением ему строгого выговора по партийной линии райкомом КПСС, хотя грозили исключением из партии с соответствующими “оргвыводами”, вплоть до увольнения с работы Козенко был убежденным коммунистом-ленинцем, и партбилет для него никогда не был средством построения карьеры, как для многих из тех членов парткома и бюро райкома, которые клеймили его за “моральную неустойчивость”, а сами такой “устойчивостью” не отличались. Поэтому Козенко очень болезненно отреагировал на “проработку”. У него начались проблемы с сосудами головного мозга, неоднократно укладывавшие его на больничную койку.

В это тяжелое для Б.Д. Козенко время моральную поддержку ему и его молодой жене оказали супруги – профессор А.Ф. Остальцева и М.С. Персов, в свое время пострадавшие в ходе кампании по борьбе с космополитами в 40–50-е годы; И.Д. Парфенов, будущий заведующий кафедрой новой и новейшей истории и декан исторического факультета Саратовского университета, близкий друг, доктор исторических наук А.И. Аврус, а также студенты – ученики и приятели, среди них германист М.Е. Ерин, упоминавшийся выше П.П. Черкасов и др.

В дополнение ко всему у Б.Д. Козенко возникли новые сложности. В 1969 г. в Саратове была арестована группа студентов, обвиненных в “антисоветской деятельности” и подозрение в их “идеологическом совращении” пало на доцента Б.Д. Козенко, так как трое из арестованных студентов занимались в его спецсеминаре. Надо сказать, что это были лучшие студенты на факультете, самостоятельно изучавшие произведения В.И. Ленина и пришедшие к выводу о несоответствии советской действительности

сти ленинской теории. Никакого отношения к их тайной деятельности и тем более к созданной ими нелегальной марксистской по характеру организации Б.Д. Козенко не имел, и, тем не менее, он попал в “черный список” как неблагонадежный преподаватель, позволявший себе отклоняться от принятых идеологических канонов. Козенко в очередной раз был подвергнут партийной проработке, а его лекции стали негласно рецензироваться осведомителями “компетентных органов”.

В результате у него созрело решение уехать из Саратова. Нелегко было бросить кафедру, родной факультет, университет с великолепной научной библиотекой, город, где были друзья, родственники, любимая консерватория, театры – одним словом, где была прожита лучшая половина жизни.

Саратовский университет в те годы готовил кадры для созданного в 1969 г. Куйбышевского государственного университета, и Б.Д. Козенко принял предложение возглавить там кафедру всеобщей истории на гуманитарном факультете. Так, в 1971 г., вскоре после рождения своего второго сына, Борис Дмитриевич с женой оказались в Куйбышеве (Самаре). Как он сам не раз говорил впоследствии, этот город принес ему удачу. Он дал ему прекрасное ощущение второй молодости – ведь многие молодые преподаватели из разных городов страны, настоящие единомышленники, сообща строили новый университет. Это была радость от возможности спокойно заниматься любимой наукой. Кроме того, наконец, впервые в жизни ученого у него появился свой собственный дом: в год переезда в Куйбышев супруги получили прекрасную квартиру (по тем временам и возможностям) в центре города и недалеко от любимого университета. В этом доме Борис Дмитриевич обрел стабильность и покой, так необходимые ему для работы. Здесь у него был свой рабочий кабинет, где он собрал обширную научную библиотеку. Сюда приходили его друзья и соседи, коллеги и студенты. Здесь в 1976 г. родилась его дочь, в разгар подготовки докторской диссертации.

Заведование кафедрой для Б.Д. Козенко было нелегкой ношей, потому что всегда надо было обязательно что-то пробивать, сидеть у начальников в приемных, выпрашивать, доказывать, требовать. Однако он тщательно выстраивал работу кафедры, не жалел времени на посещение лекций и их методический разбор и, обладая блестящей памятью на факты и события, давал дельные советы. В 1975 г. для завершения докторской диссертации Борис Дмитриевич перешел на должность старшего научного сотрудника кафедры, и у него появилась возможность больше времени проводить в Москве.

В 1980 г. вышла монография Б.Д. Козенко «“Новая демократия” и война. Внутренняя политика США (1914–1917)»³. Книга писалась тяжело, автору хотелось внести в нее больше фактов, а не заниматься обязательной и бесконечной критикой буржуазных государственных деятелей. Кроме того, Б.Д. Козенко очень тщательно следил за литературной обработкой своих произведений; не доверяя себе, много времени потратил на работу с редактором, выверяя каждую фразу, любую формулировку.

Основная цель книги – показать незаурядность американского президента Вудро Вильсона, раскрыть реформаторскую направленность его внутренней политики, понимание им международной обстановки и положения США в меняющемся мире – была достигнута. Безусловно, в центре внимания исследователя находились вопросы влияния войны на развитие классовой борьбы в стране, зарождения и функционирования аппарата “примирения классов”, а также становления государственно-монополистического капитализма. Исследовательская щепетильность Б.Д. Козенко проявилась в использовании всех доступных тогда архивных и опубликованных источников, включая трудоемкую работу по изучению материалов американской прессы. Монография была защищена в Институте всеобщей истории АН СССР в качестве докторской диссертации в 1982 г. Оппонентами выступили доктора исторических наук Р.Ш. Ганелин (ныне

³ Козенко Б.Д. “Новая демократия” и война. Внутренняя политика США (1914–1917). М., 1980.

член-корреспондент РАН), Р.Ф. Иванов и Н.В. Сивачев. Ведущей организацией был Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, кафедра всеобщей истории во главе с доктором исторических наук, профессором В.К. Фураевым.

Радость после успешной защиты была безмерна. Как и многие исследователи Б.Д. Козенко был мнительным человеком, считал свои научные достижения скромными по сравнению с московскими учеными, его угнетала мысль, что он не работал в архивах США и не может подняться так высоко, как его московские коллеги. Б.Д. Козенко очень высоко ценил престиж и научный авторитет Института всеобщей истории, поэтому защита докторской диссертации стала для него не только признанием его как ученого, но и повысила собственную самооценку. К тому же в Куйбышеве это был первый случай защиты докторской диссертации в академическом институте.

Защита докторской диссертации мало что изменила в вузовской жизни Б.Д. Козенко. По-прежнему трудно было с изданием книг: к слову сказать, в Самарском университете (в 1991 г. Куйбышев был переименован в Самару и соответственно университет стал именоваться Самарским) за исключением периодического межвузовского сборника статей он ничего не мог издать. Возникали мысли уехать из Самары, но здоровье и возраст препятствовали столь серьезным переменам. Поэтому Б.Д. Козенко начал сотрудничать с Самарским институтом повышения квалификации учителей, где работали его выпускники – ректор И.А. Носков и проректор В.П. Пахомов. Здесь он нашел более внимательное и уважительное к себе отношение.

Прикипев душой и телом к Куйбышеву, Б.Д. Козенко никогда не забывал ни друзей, которые были у него по всей стране – в Екатеринбурге, Петербурге, Уфе, Казани, Тамбове, Челябинске, Иванове, Томске, Тюмени, Барнауле, ни близких, оставшихся в Саратове. Не имея возможности часто встречаться с ними, Борис Дмитриевич вел обширнейшую регулярную переписку. Он обладал этим крайне редким в наше время даром, любил не только получать письма от друзей и родных, но и писать им, и вел переписку с потрясающей аккуратностью: первая половина каждого воскресения отводилась написанию писем.

Б.Д. Козенко отличался колоссальной работоспособностью и организованностью: он составлял графики дел на неделю, месяц, даже год и старался все исполнять. Часто Борис Дмитриевич любил повторять и не только детям: все, что я задумываю рано или поздно свершу, я очень упрямый и везучий. Каждый день он делал зарядку, обливался холодной водой, а в воскресные дни старался выбраться на природу. Отдыхал он редко, никогда не использовал отпуск преподавателя для рыбалки или чего-то подобного, всегда выезжал в Москву работать в библиотеках и архивах. У него был железный режим дня, ни нарушавшийся даже в праздники. Часы за рабочим столом были для него священны.

Однако в 1988 г. огромная нагрузка, а также эмоциональный, категоричный и непростой характер Бориса Дмитриевича привели его к обширному инфаркту. Ученый находился на грани жизни и смерти, затем наступил долгий период болезни. Но великая жажда жизни, страсть к своей работе, постоянная поддержка жены, помощь друзей и коллег позволили Б.Д. Козенко преодолеть болезнь и вернуться к полноценной жизни, к любимому делу.

Период болезни совпал с годами “перестройки”, когда развернулись острые дебаты в области методологических подходов к написанию истории. Со всей остротой был поставлен вопрос об отказе от марксистско-ленинского (формационного) подхода в освещении исторических процессов. Осенью 1988 г. в Институте всеобщей истории АН СССР был организован “круглый стол” на тему – “О белых пятнах в изучении истории”, в котором приняли участие Б.Д. Козенко и Г.М. Садовая, а журнал “Новая и новейшая история” предоставил свои страницы для публикации материалов состоявшейся дискуссии. Несмотря на серьезные атаки, во многом справедливые, на марксистскую методологию, Б.Д. Козенко защищал равноправие формационного подхода наравне с цивилизационным и другими методологическими принципами. Это

не означало, что Б.Д. Козенко не понимал некоторой устарелости в применении марксистских методов в советской исторической науке. Ведь методологические дискуссии ведутся столько же времени, сколько существует сама историческая наука. Речь шла о другом, гораздо более серьезном, а именно – о политическом и идеологическом повороте в стране, и все историки отчетливо понимали, что наступила новая эпоха и что необходим плюрализм мнений. Наиболее резвые и конъюнктурные ученые, ранее с пеной у рта отстаивавшие классовые подходы и стерильность марксизма, теперь повернулись на 180 градусов. Не случайно А.И. Патрушев в своей обзорной рецензии на 4 том “Портретов историков”⁴ справедливо призывал называть имена тех и других историков, так как только время – главный и самый справедливый судья в исторической науке – вновь расставит все по местам.

В своем выступлении о периодизации новой и новейшей истории Борис Дмитриевич говорил о необходимости введения в учебном процессе новой периодизации современной истории, исключив выделение в особый период развития капитализма в 1870–1914 гг. Он, в частности, предлагал считать началом современной истории период с 1815 г., т.е. с наполеоновских войн и Венского конгресса до Первой мировой войны. Вопрос о периодизации в отечественной науке до сих пор остается открытым.

Большую поддержку Б.Д. Козенко в трудный период его жизни оказал академик Г.Н. Севостьянов, прежде всего своей верой в характер и упорство ученого. Он снабдил его новейшими американскими учебниками и литературой и предложил совместно написать популярный очерк по истории США. Б.Д. Козенко очень любил научно-популярный жанр и, лежа в больнице, на следующий день после перевода из реанимации в общую палату, он начал писать главы об образовании молодого государства США. Это было в 1988 г., а книга вышла только в 1994 г. – столько лет потребовалось на ее “пробивание”⁵.

Б.Д. Козенко тяжело пережил распад СССР. Ведь генетические корни у многих граждан нашей страны не отличаются этнической чистотой, и друзья живут в самых разных частях обширного евразийского пространства, слишком много разных перемен пришлось на жизнь одного поколения, несправедливо названного “совками”. Многие стали перекрашиваться в демократов, что особенно было заметно в вузовской среде, где пытались ловко использовать политическую конъюнктуру. Б.Д. Козенко в ущерб собственному престижу твердо заявил о своей принадлежности к коммунистам, понимая, что навлекает на себя неприятности, тогда как прежние активисты-партийцы “смело” бросали свои партбилеты и клялись в несуществующем диссидентском прошлом. 3 марта 1999 г. Б.Д. Козенко было присвоено звание “Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации”, хотя ранее неоднократно посылались документы для присвоения звания “Заслуженный деятель науки”. Но на местном, губернском уровне кандидатура соискателя отклонялась исключительно по идеологическим соображениям, поскольку он продолжал оставаться членом компартии и принимал активное участие в ее жизни. Его имя не попало в Самарскую энциклопедию известных ученых Самарского края по той причине, что он подвергал резкой критике новую “демократическую” местную власть.

В начале 90-х годов Борис Дмитриевич сменил область своих научных интересов, поняв, что писать об истории США в новых условиях без архивов несерьезно, а выехать в эту страну уже не было сил, а главное – отсутствовали денежные средства. Сказались прежние увлечения военной историей, и с той же настойчивостью и усидчивостью Б.Д. Козенко приступил к изучению Первой мировой войны, почти одновременно с В.Л. Мальковым, который, не оставляя в стороне историю США, создал в Институте всеобщей истории РАН “Ассоциацию историков Первой мировой войны”. В публикациях, изданных институтом, “Дискуссионные проблемы истории. Первая

⁴ Патрушев А.И. *Время и судьбы историков.* – Новая и новейшая история, 2006, № 3.

⁵ Козенко Б.Д., Севостьянов Г.Н. *История США.* Учебное пособие. Самара, 1994.

мировая война” (М., 1994) и “Первая мировая война. Пролог двадцатого века” (М., 1998) Б.Д. Козенко поместил две статьи “Посредничество без кавычек... Миротворчество США в 1914–1916 гг.” и “Несостоявшееся сближение”.

Во время острых дискуссий 90-х годов XX в. о месте исторической науки, ее методологии и так называемых “белых пятнах” в истории Б.Д. Козенко возглавил работу ученых-гуманитариев Самарского университета по написанию учебника по новой истории. По его мысли это должно было заставить преподавателей по-новому посмотреть на свои лекционные курсы. Авторский коллектив состоял из преподавателей кафедры зарубежной истории университета, преподавателей и методистов кафедры истории и социально-экономических наук Самарского института повышения квалификации работников образования (СИПКРО). В 1999 г. вышло совместное издание Самарского государственного университета, СИПКРО и редакции “Народное образование” (Москва) учебного пособия “Новая история 1850–1914”. В учебнике, предназначенном для старшеклассников и учащихся лицеев, колледжей, гимназий были реализованы новые подходы к изучению истории, включены разделы о цивилизации, культуре, идеологии.

Б.Д. Козенко очень хотел написать трехтомник о Первой мировой войне, который включал бы проблемы происхождения войн, характера военных действий и техники, менталитета воюющих армий, повседневной жизни гражданского населения и духовного состояния умов в ту пору. Он увлеченно погрузился в сбор фактического материала. Особенно много времени ушло на поиски и обработку писем солдат и офицеров с фронта, работал он не только в Москве, но и в местном Самарском архиве. Все удивлялся: как же раньше не видел таких потрясающих фактов, касающихся человеческой души, поведения, психологии людей. Заново перечитал советскую и зарубежную литературу о Первой мировой войне, включая А.И. Солженицына, И.Г. Эренбурга, А.Н. Толстого, Э. Хемингуэя, Э. Ремарка, Р. Олдингтона, Р. Ролана, А. Барбюса, консультировался с филологами. Неоднократно Борис Дмитриевич перечитывал “Войну и мир” Л.Н. Толстого, “Цусиму” А.С. Новикова-Прибоя, “Севастопольскую страду” С.Н. Сергеева-Ценского, романы и особенно стихи К.М. Симонова, чтобы проникнуться пониманием духа войны.

Новым подходам к изучению истории Первой мировой войны была посвящена статья “Отечественная историография Первой мировой войны”⁶, опубликованная Б.Д. Козенко в журнале “Новая и новейшая история”. В статье отмечались просчеты советских авторов в исследовании проблематики Первой мировой войны, в частности их перекося в сторону привлечения внимания к империалистическим причинам войны, преувеличение фактора революционности рабочих масс накануне и в ходе войны, субъективное освещение роли Восточного фронта и т.д. Вместе с тем подчеркивался большой научный вклад ученых советской поры в изучение Первой мировой войны.

С высоты своего научного и жизненного опыта Б.Д. Козенко, на наш взгляд, правильно расставил акценты, не уставая напоминать на лекциях, спецсеминарах и в публикациях о необходимости объективной, взвешенной, профессиональной, т.е. собственно исторической оценки достижений советской науки. Он призывал не отказываться от своих корней, не ориентироваться исключительно на зарубежный опыт. Конечно, в пылу полемики Б.Д. Козенко нередко “пережимал”, причем намеренно, в пику противникам формационного подхода, продолжая выставлять на первое место социально-экономические факторы, но не отвергая при этом и предлагаемые современной наукой новые подходы.

Из задуманной трилогии по Первой мировой войне в соавторстве с Г.М. Садовой вышла только первая часть – “Происхождение Первой мировой войны”, в ходе

⁶ Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны. – Новая и новейшая история, 2001, № 3.

подготовки которой автору этих строк приходилось всячески сдерживать излишний полемический задор Б.Д. Козенко.

Борису Дмитриевичу суждена была долгая, непростая, но, в конечном счете, все же счастливая жизнь. Думаю, он и сам мог считать себя счастливым человеком, так как, вопреки обстоятельствам, состоялся как крупный и авторитетный ученый, уважаемый наставник нескольких поколений студентов в Тюмени, Саратове и Самаре, наконец, как любимый муж, отец и дед. Важнейшей составляющей его жизни всегда были друзья и коллеги.

Последние годы жизни Бориса Дмитриевича были омрачены тяжелой болезнью. Все труднее давались ему лекции, да и поездки в университет отбирали все силы. Нелегко было ученому смириться с тем, что силы покидают его, и больше всего он горевал об утрате возможности полноценно работать. Но рядом были его друзья, его жена, дети и внуки, которых он очень любил. Позади был долгий, тернистый жизненный путь, скитания по городам и поиски своего места и слова в науке, множество опубликованных работ, сотни благодарных студентов и аспиранты.

18 марта 2007 г. крупного ученого, блестящего преподавателя и прекрасного, душевного человека Бориса Дмитриевича Козенко не стало.